Проф. А. С. Алексѣевъ.

МАНИФЕСТЪ

17 октября 1905 года

И

политическое движеніе, его вызвавшее.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Юридическій Вѣстникъ» 1915 г., кн. XI (III).

МОСКВА.
—
1915.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко
Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.

Манифестъ 17 октября 1905 года и политическое движеніе, его вызвавшее.

I.

Переходъ отъ политическаго быта, покоящагося на началѣ самодержавія, къ государственному строю, основывающемуся на принципѣ общественнаго самоопредѣленія, нигдѣ не является внезапнымъ переворотомъ, а всюду представляетъ собою длительный процессъ, слагающійся изъ отдѣльныхъ, не всегда равноцѣнныхъ, эпизодовъ.

Въ однихъ государствахъ рѣшающимъ моментомъ въ этомъ процессѣ является изданіе одной хартіи, своими постановленіями съ самаго основанія перестраивающей старый государственный порядокъ и регулирующей вновь всѣ важнѣйшія стороны политическаго уклада народа, въ другихъ странахъ переходъ отъ абсолютизма къ конституціонализму выражается въ сложной цѣпи государственныхъ актовъ, общественныхъ заявленій и правительственныхъ мѣропріятій, лишь постепенно разрушающихъ старый строй и только медленно, шагъ за шагомъ, воздвигающихъ новый правовой порядокъ.

Къ этимъ послѣднимъ государствамъ принадлежитъ и Россія. Мы до сего времени не имѣемъ конституціи въ смыслѣ цѣльнаго и законченнаго законодательнаго акта, который твердо установилъ бы начало общественнаго самоопредѣленія и послѣдовательно провелъ бы его во всѣхъ существенныхъ областяхъ государственной жизни.

Такой конституціей не является ни манифестъ 17 октября 1905 г., ни Основные Законы 23 апрѣля 1906 г.

Манифестъ 17-го октября провозгласилъ коренныя начала правового строя и установилъ ихъ очень опредѣленно и ярко, но онъ не обезпечилъ ихъ осуществленія соотвѣтствующими законодательными актами. Основные же законы 23-го апрѣля рядомъ съ отдѣльными отзвуками конституціоннаго акта 17-го октября, включаютъ

въ себѣ рядъ пережитковъ самодержавнаго уклада и содержатъ постановленія, стоящія въ рѣзкомъ противорѣчіи съ элементарными требованіями правового строя.

У насъ до сего времени не только нѣтъ конституціи, въ смыслѣ комплекса учредительныхъ законовъ, гарантирующихъ населенію политическую и гражданскую свободу, но у насъ и не проникли глубоко въ правосознаніе извѣстной части нашего общества тѣ политическіе идеи и принципы, стойкое исповѣдываніе которыхъ является необходимымъ предположеніемъ прочнаго правового порядка. У насъ все еще держатся привычки и пріемы приказнаго быта и еще сохраняется рядъ учрежденій, являющихся оплотомъ бюрократическаго строя.

Манифестъ 17-го октября, опредѣливъ, что ни одинъ законъ не можетъ получить силы безъ участія народнаго представительства,— этимъ постановленіемъ упразднилъ одинъ изъ главныхъ устоевъ самодержавія. Онъ знаменуетъ собою поэтому несомнѣнно очень крупный успѣхъ въ борьбѣ принципа общественнаго самоопредѣленія съ началомъ самодержавія, но онъ, говоря языкомъ современныхъ военныхъ реляцій, не представляетъ еще собою пораженія живой силы противника. Изданіемъ манифеста 17-го октября взята лишь одна изъ главнѣйшихъ позицій самодержавія, позиція очень сильная и еще недавно казавшаяся неприступной, но онъ не затронулъ ряда другихъ укрѣпленныхъ пунктовъ приказнаго уклада, съ которыми еще предстоитъ бороться русскому обществу и на преодолѣніе которыхъ уйдетъ еще не мало времени и не мало энергіи.

Если манифестъ 17-го октября является однимъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ въ борьбѣ русскаго общества за свое политическое раскрѣпощеніе, то для уразумѣнія его смысла и значенія необходимо, хотя бы въ краткомъ очеркѣ, возстановить ходъ этой борьбы и напомнить ея основныя фазы и существеннѣйшія тенденціи.

Борьба эта начинается съ того времени, какъ обнаруживается то глубокое противорѣчіе, которое существуетъ между тенденціями самодержавнаго порядка, съ одной стороны, и между началами, легшими въ основу освободительныхъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, съ другой, и когда стало яснымъ, что принципъ абсолютнаго строя безусловно не уживается со стремленіями общества къ установленію правового порядка.

Всматриваясь въ эту борьбу, какъ она развернулась въ первые годы текущаго столѣтія съ 1900—1905 гг., мы можемъ различить въ ней слѣдующіе фазисы:

Первый періодъ съ 1899 по 1904 г. (министерства Сипягина и затѣмъ Плеве) представлетъ собою безпощадную борьбу носителей самодержавнаго бюрократическаго строя съ органами общественнаго самоуправленія съ цѣлью упразднить земство и погасить въ немъ тенденціи къ самостоятельности и самоопредѣленію.

Второй періодъ обнимаетъ время отъ 27-го августа 1904 г. (назначеніе Святополкъ-Мирскаго) до 18 февраля 1905 г. и знаменуетъ собою поворотъ правительственнаго курса отъ реакціоннаго направленія къ политикѣ нерѣшительныхъ уступокъ требованіямъ общества. Онъ характеризуется манифестомъ 12 декабря 1904 г.

Слѣдующимъ за симъ фазисомъ въ эволюціи борьбы общества за свое политическое возрожденіе является время съ 18 февраля 1905 г. по 6 августа 1905 г. Этотъ періодъ открывается рескриптомъ на имя новаго министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина, которымъ правительство отъ обѣщанія частичныхъ реформъ переходитъ къ попыткѣ общаго политическаго преобразованія, а именно къ привлеченію людей изъ народа къ предварительной разработкѣ и обсужденію законодательныхъ положеній. Заканчивается этотъ періодъ манифестомъ 6 августа 1905 г. объ учрежденіи законосовѣщательной Думы съ сохраненіемъ неприкосновеннымъ основного закона Россійской Имперіи о существѣ самодержавной власти.

Послѣдній фазисъ въ борьбѣ правительства съ обществомъ продолжается всего нѣсколько недѣль и ознаменованъ революціоннымъ движеніемъ, принимающимъ наканунѣ 17-го октября крайне острыя формы, побуждающія правительство издать актъ, которымъ власть отказывается отъ основного начала самодержавія и провозглашаетъ коренные принципы конституціоннаго строя.

Мы разсмотримъ подробнѣе каждый изъ этихъ фазисовъ въ отдѣльности, при чемъ обратимъ особое вниманіе на ту реакцію, которой общество отвѣчало на политику правительства и которая находила себѣ выраженіе въ резолюціяхъ и постановленіяхъ общественныхъ организацій.

II.

Первый періодъ борьбы власти съ обществомъ, который совпадаетъ со временемъ управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Сипягинымъ, а потомъ Плеве, представляетъ собой со стороны правительства систематическій и послѣдовательный походъ противъ общественныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія. Онъ имѣетъ прежде всего своею тенденціею подорвать финансовыя средства земства и этимъ ослабить его вліяніе на ходъ мѣстной жизни: 12-го іюня 1900 г. выходитъ законъ о предѣльности земскаго обло-

женія и одновременно съ нимъ законъ, которымъ изъ компетенціи органовъ самоуправленія изъемлется завѣдываніе мѣстнымъ продовольственнымъ дѣломъ.

Правительство въ своемъ стремленіи обезсилить органы самоуправленія не ограничивается отдѣльными мѣрами въ области финансоваго управленія, но и задумываетъ общую реформу правительственнаго строя, долженствовавшую замѣнить мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, опредѣляемыхъ по выбору, правительственными агентами, назначаемыми изъ центра. 26 февраля 1903 г. издается Высочайшій манифестъ, объявившій о непреклонной рѣшимости правительства приступить къ продолженію тѣхъ законодательныхъ мѣропріятій, которыя были предприняты въ царствованіе Александра III, но которыя не удалось закончить вслѣдствіе смерти Императора и проведенію которыхъ помѣшала затѣмъ смута «посѣянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлеченіемъ началами, чуждыми русской жизни». Послѣ этого вступленія манифестъ излагаетъ программу проектированныхъ властью законодательныхъ актовъ, и между ними фигурируетъ на первомъ мѣстѣ преобразованіе губернскихъ и уѣздныхъ управленій, которыя должны быть поставлены подъ руководство сильной власти, отвѣтственной передъ царемъ. Въ заключеніе говорится: «Призывая всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ содѣйствовать намъ къ утвержденію въ семьѣ, школѣ и общественной жизни нравственнхъ началъ, при которыхъ подъ сѣнью Самодержавной власти только и могутъ развиваться народное благосостояніе и увѣренность каждаго въ прочности его права. Мы повелѣваемъ нашимъ министрамъ и главноуправляющимъ частями, къ вѣдомствамъ коихъ сіе относится, представить намъ соображенія о порядкѣ исполненія предначертаній Нашихъ». Къ осуществленію одного изъ пунктовъ, начертанной въ манифестѣ правительственной программы, а именно къ преобразованію губернскаго управленія, было немедленно же приступлено, при чемъ къ осуществленію его привлечены государственные люди, настроеніе которыхъ ручалось за проведеніе проектированныхъ реформъ въ строго реакціонномъ духѣ (Дурново, Штюрмеръ, фонъ Валь и др.). Борьба съ земствомъ въ эту эпоху выражается и въ принятіи репрессивныхъ мѣръ противъ отдѣльныхъ земскихъ дѣятелей, выдававшихся самостоятельностью своихъ сужденій и противъ постановленій земскихъ собраній, не соотвѣтствовавшихъ правительственному курсу: устраняются общественные дѣятели безъ суда и расправы, кассируются постановленія земскихъ собраній, противорѣчащихъ «видамъ и предположеніямъ» правительства и т. п.

Эта политика правительства, направленная противъ земства, не достигаетъ, однако, преслѣдуемыхъ ею цѣлей: она не обезоруживаетъ земства и не усмиряетъ его строптиваго духа, а напротивъ закаляетъ его силы и заостряетъ его оппозиціонныя тенденціи. Отдѣльныя земства, которыя всѣ въ одинаковой степени испытывали гнетъ бюрократическаго режима, естественно почувствовали потребность противодѣйствовать сообща правительственной политикѣ. Земства, до сего времени разобщенныя, стали теперь сближаться между собою и сговариваться относительно своего солидарнаго образа дѣйствій[1]) и совмѣстныхъ выступленій.

Однимъ изъ наиболѣе яркихъ проявленій этого сближенія является первый земскій съѣздъ, состоявшійся въ Москвѣ въ маѣ 1902 г.[2]). Онъ привлекъ большое число участниковъ и на немъ были приняты рѣшенія первостепенной важности, въ которыхъ уже ярко просвѣчиваетъ тенденція земства выступить съ требованіями общихъ политическихъ реформъ. Съѣздъ постановилъ, между прочимъ, что устраненіе земскихъ учрежденій отъ обсужденія нуждъ сельскохозяйственной промышленности нецѣлесообразно и не мо-

[1]) Правительство, видя въ этомъ сближеніи земствъ между собою опасный для своей политики симптомъ, поспѣшило принять противъ него мѣры. Земскимъ управамъ было разослано губернаторами обращеніе, основанное на циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ мы между прочимъ читаемъ: «За послѣднее время усматривается, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ земскія и городскія управленія, желая возбудить какое-либо ходатайство по предметамъ, не относящимся исключительно къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ и имѣющимъ характеръ общегосударственный, входятъ въ предварительное сношеніе съ другими общественными установленіями и притомъ не только своей, но иногда даже и другой губерніи, съ просьбой возбудить и съ ихъ стороны единовременно ходатайство, подобное предлагаемому. Принимая въ соображеніе, что такія дѣйствія выходятъ изъ предѣловъ власти, предоставленной земскимъ и городскимъ управленіямъ, отрывая послѣднія отъ работы на пользу мѣстную и увлекая ихъ на ложный путь, и имѣя въ виду, что, по смыслу ст. 1947 общ. учр. Губ. Свода Законовъ, т. II, изд. 1892 г., общественныя и сословныя собранія, а слѣдовательно и исполнительные ихъ органы, не въ правѣ вступать въ сношенія съ другими собраніями по дѣламъ, относящимся къ общимъ правительственнымъ распоряженіямъ, иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора, г. министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ меня обратить особое вниманіе на недопущеніе земскими и городскими управленіями указанныхъ выше неправильныхъ сношеній, съ предупрежденіемъ, въ случаѣ надобности, что такія дѣйствія, какъ носящія явный характеръ превышенія власти, могутъ повлечь за собою для виновныхъ законную отвѣтственность».

[2]) Онъ былъ вызванъ слѣдующими обстоятельствами: 22 марта 1902 г. учреждается, по иниціативѣ гр. Витте, совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, которое своимъ органомъ на мѣстахъ имѣло губернскіе комитеты. Представители земства, устраненнаго отъ участія въ этомъ совѣщаніи, воспользовались собраніемъ въ апрѣлѣ 1902 г., такъ называемымъ пожарнымъ съѣздомъ, чтобы сговориться относительно той формы, въ которой они могли бы протестовать противъ недопущенія ихъ къ совѣщанію и сговориться относительно солидарнаго образа дѣйствія въ мѣстныхъ комитетахъ. Съ этою цѣлью и было рѣшено созвать общеземскій съѣздъ въ Москвѣ.

На немъ собралось 25 представителей земскихъ собраній.

жетъ быть оправдано ни съ какой точки зрѣнія. Далѣе съѣздъ вынесъ резолюцію, въ силу которой нужды сельско-хозяйственной промышленности не могутъ быть удовлетворены отдѣльными частными мѣропріятіями, а прежде всего нуждаются въ устраненіи всѣхъ тѣхъ тормазовъ, которые препятствуютъ ея развитію. Съѣздъ въ этой резолюціи призналъ необходимымъ прежде всего поднять личность русскаго крестьянина и обезпечить развитіе его самостоятельности, а для этого обезпечить правовое положеніе крестьянъ уравненіемъ ихъ личныхъ правъ съ лицами другихъ сословій, освободить ихъ отъ административной опеки, оградить ихъ права правильной формой суда и т. д.

Фактъ созванія этого перваго общаго земскаго съѣзда, объединившаго вліятельнѣйшихъ дѣятелей земства, то единодушіе и тотъ подъемъ, съ которыми были приняты на немъ резолюціи, — показали, что земство выросло на степень организованной общественной силы, воодушевленной твердой рѣшимостью бороться съ правительствомъ во имя общественнаго и политическаго обновленія страны.

Правительство съ своей обычной самоувѣренностью не признало, однако, нужнымъ считаться съ заявленіями этой новой общественной силы. Оно осталось вѣрно своей обычной тактикѣ и примѣнило по отношенію къ земскому движенію тѣ же пріемы, къ которымъ оно прибѣгало каждый разъ, когда считало нужнымъ противодѣйствовать проявленію свободной общественной мысли. По представленію Плеве были приняты репрессивныя мѣры противъ участниковъ съѣзда; 16 предсѣдателей земскихъ управъ и другіе участники съѣзда получили Высочайшіе выговоры, переданные однимъ лично Плеве, а другимъ черезъ губернаторовъ[1]).

Оппозиціонный духъ земства и его политическія тенденціи, проявившіяся въ первомъ (майскомъ) земскомъ съѣздѣ пріобрѣли себѣ въ ближайшее время новую поддержку въ зарубежномъ печатномъ органѣ «Освобожденіе», а затѣмъ въ общественной организаціи того же названія.

Газета «Освобожденіе» начала выходить въ Штутгартѣ въ іюлѣ 1902 г., а «Союзъ Освобожденія» былъ учрежденъ въ январѣ 1904 г. во время техническаго съѣзда въ Петербургѣ.

Цѣль изданія газеты «Освобожденіе» такъ опредѣляется въ передовой статьѣ перваго номера: «Мы приступаемъ къ изданію, говорится здѣсь, внѣ предѣловъ дѣйствія русской полиціи и цензуры — органа исключительно посвященнаго великому дѣлу борьбы

[1]) Между послѣдними нашлись лица, которыя на переданную имъ губернаторами административную кару отвѣтили рѣзкими письмами; они заявляли въ нихъ, что постигшая ихъ кара является совершенно незаслуженной и что они приписываютъ ее лицепріятному доносу Государю со стороны министра внутреннихъ дѣлъ.

за всестороннее освобожденіе нашей родины отъ полицейскаго гнета, за свободу русской личности и русскаго общества. Осуществленіе такого изданія настоятельно требуется всѣмъ ходомъ вещей въ Россіи, всѣмъ развитіемъ ея общественно политической жизни; эта задача повелительно диктуется положеніемъ нашей печати въ самой Россіи и новѣйшимъ развитіемъ ея за границей... Нашъ органъ не будетъ «революціоннымъ», но онъ будетъ всѣмъ своимъ содержаніемъ требовать великаго переворота русской жизни замѣны произвола самодержавной бюрократіи правами личности и общества»... Статья эта заканчивается слѣдующими словами: «Пусть національное освобожденіе будетъ открыто провозглашено общимъ дѣломъ дѣтей и отцовъ, революціонеровъ и умѣренныхъ. Пусть насилію, уничтожающему нашъ народъ и извращающему всю нашу жизнь, будетъ брошенъ въ лицо соединенный вызовъ, будетъ противопоставлена единая борьба. Такого вызова оно (правительство) испугается, передъ такой борьбой оно не устоитъ».

Союзъ Освобожденія былъ организованъ въ первыхъ числахъ января 1904 г., какъ мы уже сказали, во время техническаго съѣзда. Этотъ съѣздъ привлекъ въ Петроградъ много земскихъ дѣятелей и представителей интеллигенціи, сочувствовавшихъ освободительному движенію. На этомъ съѣздѣ при участіи представителей отъ 20 городовъ Союзъ Освобожденія получилъ свою окончательную организацію; на немъ была обсуждена и послѣ горячихъ преній принята и утверждена программа Союза. Первый параграфъ этой программы включалъ слѣдующее знаменательное постановленіе: «Союзъ Освобожденія ставитъ себѣ своей первой и главной задачей — политическое освобожденіе Россіи. Считая политическую свободу даже въ самыхъ минимальныхъ ея предѣлахъ совершенно несовмѣстимой съ абсолютнымъ характеромъ русской монархіи, «Союзъ» будетъ добиваться прежде всего, уничтоженія самодержавія и установленія въ Россіи конституціоннаго режима. При опредѣленіи конкретныхъ формъ, въ которыхъ конституціонный режимъ можетъ быть осуществленъ въ Россіи, «Союзъ Освобожденія» употребитъ всѣ усилія, чтобы политическая проблема была рѣшена въ духѣ широкаго демократизма и, прежде всего, признаетъ существенно необходимымъ положить въ основаніе политической реформы принципъ всеобщей, тайной и прямой подачи голосовъ».

Политика правительства, направленная противъ земства за разсмотрѣнный нами періодъ потерпѣла такимъ образомъ полное фіаско. Послѣ пятилѣтняго управленія Плеве, земство, отданное подъ опеку высшаго начальства и поставленное подъ строгій надзоръ агентовъ власти, не только не было обезсилено воинствую-

щей бюрократіей, а напротивъ, окрѣпло въ борьбѣ съ ней, сложившись въ цѣлое, крѣпкое единствомъ своихъ стремленій и идеаловъ. Эти стремленія и идеалы за пережитое время выяснились самому земству опредѣленнѣе и ярче и нашли себѣ откликъ и сочувствіе въ широкихъ кругахъ населенія. Оппозиція земства выросла на степень оппозиціи всей интеллигентной части русскаго народа, его организація, его способъ агитаціи сдѣлались достояніемъ всей мыслящей части населенія и стали служить не только орудіями земства, но и выросли на степень средствъ воздѣйствія всего интеллигентнаго общества. Сорганизовавшіеся земскіе съѣзды вмѣстѣ съ тѣмъ выступили глашатаями и выразителями всѣхъ тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые были солидарны съ земствомъ, сблизились съ нимъ и сгруппировались около него.

И когда Плеве сошелъ со сцены, передъ растерявшимся правительствомъ развернулся широкій фронтъ общественныхъ силъ, объединенныхъ ненавистью къ самодержавно-бюрократическому строю и воодушевленныхъ неудержимымъ стремленіемъ пробиться къ свѣту и проложить себѣ дорогу къ политическому обновленію и общественному возрожденію.

III.

Большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ борьбы общества съ правительствомъ имѣли тѣ событія внѣшней и внутренней жизни, которыя наступили для Россіи въ 1904 г. и которыя дали общественному неудовольствію новую пищу и новое направленіе.

26-го января послѣдовало объявленіе войны съ Японіей. Эта война не встрѣтила въ обществѣ сочувствія и не вызвала патріотическаго подъема. Она на первыхъ же порахъ обнаружила расшатанность нашихъ государственныхъ порядковъ и полную дезорганизацію тѣхъ частей управленія, которыя вѣдали вооруженными силами страны. Война началась съ ряда неудачъ: 17-го апрѣля погибъ броненосецъ «Петропавловскъ» съ адмираломъ Макаровымъ и почти всѣмъ экипажемъ. 25-го апрѣля Портъ-Артуръ оказался окруженнымъ непріятелемъ и всякія сообщенія съ нимъ прекращены.

И вотъ, одновременно съ этими печальными вѣстями съ театра войны, облетѣла страну вѣсть о трагической смерти руководителя нашей внутренней политики: 15-го іюля погибъ Плеве, павшій жертвой террористическаго акта.

Смерть Плеве повлекла за собою переломъ въ нашей внутренней жизни: онъ не нашелъ преемника своей политикѣ и заступившій его 27-го августа новый министръ пошелъ по другой дорогѣ и заговорилъ другимъ языкомъ.

16-го сентября князь Святополкъ-Мирскій выступилъ съ программой, въ которой прозвучали ноты, ничѣмъ не напоминавшія его предшественника. Въ этотъ день при представленіи ему чиновъ министерства, онъ заявилъ, «что административный опытъ привелъ его къ глубокому убѣжденію, что плодотворность правительственнаго труда основана на искренно благожелательномъ и истинно довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще. Лишь при этихъ условіяхъ работы можно получить взаимное довѣріе, безъ котораго невозможно ожидать прочнаго успѣха въ дѣлѣ устроенія государства».

Довѣріе, о которомъ говорилъ здѣсь министръ, очень скоро оказалось, однако, крайне тенденціознымъ: оно стало проявляться лишь по отношенію къ той части общества и тѣмъ общественнымъ дѣятелямъ, которые раздѣляли точку зрѣнія правительства и которые твердо стояли на почвѣ существующаго порядка. Стремленія же, исходившія отъ либеральныхъ элементовъ общества и находившія себѣ выраженіе въ резолюціяхъ и постановленіяхъ земскихъ и городскихъ организацій встрѣчали со стороны министра самое строгое осужденіе. Не прошло и полгода со времени вступленія князя Святополкъ-Мирскаго въ должность, какъ появилось правительственное сообщеніе, въ которомъ высказанныя земскими людьми пожеланія и требованія были признаны недопустимыми въ силу «освященныхъ Основными Законами имперіи незыблемыхъ началъ нашего государственнаго строя» и въ которомъ общественное движеніе, явившееся результатомъ совѣщанія земскихъ дѣятелей было охарактеризовано дѣломъ людей, «стремящихся внести смуту въ общественную и государственную жизнь и при томъ дѣломъ, чуждымъ русскому народу, идущему на пользу не родинѣ, а ея враговъ»[1]).

Тенденціи и воззрѣнія, которыя являются предпосылками этого правительственнаго сообщенія очень ясно проглядываютъ въ указѣ, изданномъ 12 декабря 1904 г. Изъ первыхъ же строкъ этого указа видно, что правительство, обѣщая либеральныя реформы и расточая слова, разсчитанныя на благопріятное впечатлѣніе на публику, въ сущности остается на своей прежней позиціи и вовсе не намѣрено дѣлать уступокъ, которыя могли бы умалить его полномочія и сократить сферу его дискреціонной власти.

«По священнымъ завѣтамъ Вѣнценосныхъ предковъ Нашихъ», читаемъ мы здѣсь, «непрестанно помышляя о благѣ ввѣренной

[1]) Это правительственное сообщеніе мы приводимъ со словъ заявленія гласныхъ Вологодскаго земскаго собранія. Оно приведено у Бѣлоконскаго «Земское движеніе», стр. 241, 242.

Намъ Богомъ Державы, Мы при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ Законовъ Имперіи, полагаемъ задачу правленія въ неусыпной заботливости о потребностяхъ страны, различая все дѣйствительно соотвѣтствующее интересамъ русскаго народа отъ нерѣдко ошибочныхъ и преходящихъ обстоятельствами навѣянныхъ стремленій».

Что обѣщанныя указомъ реформы[1]) не сулили обществу поворота къ новому государственному порядку видно было и изъ того, что осуществленіе намѣченныхъ преобразованій было довѣрено правительственнымъ учрежденіямъ, безъ всякаго участія общественныхъ элементовъ: оно было возложено на Комитетъ Министровъ, испытаннаго хранителя бюрократическихъ традицій и навыковъ.

То чувство неудовлетворенности, которое вызвало въ обществѣ изданіе указа 12-го декабря, находитъ себѣ объясненіе не только въ его содержаніи и въ его отношеніи къ заявленнымъ обществомъ требованіямъ, но и тѣмъ настроеніемъ, которое овладѣло обществомъ послѣ земскаго съѣзда, состоявшагося въ Петроградѣ въ ноябрѣ 1904 г. Этотъ съѣздъ представляетъ собою рѣшительный моментъ въ исторіи борьбы общества съ правительствомъ: онъ отмѣчаетъ внушительный ростъ земской оппозиціи и представляетъ собою знаменательное расширеніе общественныхъ требованій. На немъ были вынесены резолюціи, которыя ярко и опредѣленно выставили конституціонныя требованія русскаго общества: онѣ явились лозунгами всего дальнѣйшаго общественнаго движенія, приведшаго въ октябрѣ 1905 г. къ крушенію самодержавнаго уклада и къ признанію держателями власти первоосновъ правового строя[2]).

---

[1]) Въ указѣ 12-го декабря между прочимъ говорится о началѣ законности, которое должно лечь въ основаніе дѣятельности органовъ власти и вмѣстѣ съ проведеніемъ этого начала обѣщался пересмотръ изданныхъ во времена безпримѣрнаго проявленія преступной дѣятельности враговъ общественнаго порядка исключительныхъ законоположеній. Кромѣ проведенія начала законности и требуемаго имъ отмѣны или по крайней мѣрѣ смягченія положенія объ усиленной охранѣ, указъ 12-го декабря развертывалъ и программу органическихъ реформъ, касавшихся устраненія сословной обособленности крестьянъ и имѣвшихъ цѣлью обезпечить самостоятельность земскаго и городского самоуправленія, сохранить независимость духа, расширить религіозную свободу, устранить излишнія стѣсненія печати, содѣйствовать обезпеченію участи рабочихъ на фабрикахъ, введеніемъ государственнаго ихъ страхованія (п. 4). Указъ обѣщаетъ, наконецъ, пересмотръ дѣйствующихъ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи и устранить изъ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати... возможность достойно выполнять высокое призваніе быть правдивой выразительницей разумныхъ стремленій на пользу Россіи (п. 8).

[2]) Въ виду громадной важности этихъ резолюцій приводимъ ихъ здѣсь цѣликомъ:

«Частное Совѣщаніе земскихъ дѣятелей въ засѣданіяхъ, происходившихъ

Ноябрьскій съѣздъ произвелъ на общество громадное впечатлѣніе. Вынесенныя имъ резолюціи послужили поводомъ къ многочисленнымъ заявленіямъ, выражавшимъ полную солидарность общественныхъ стремленій страны съ формулированными въ этихъ резолюціяхъ стремленіями. Одно правительство осталось къ нимъ глухо и реагировало на нихъ своими обычными пріемами, т.-е. угрозой репрессивныхъ и полицейскихъ мѣръ. Оно отвѣтило на ноябрьскій съѣздъ, слѣдующимъ характернымъ правительственнымъ сообщеніемъ: «Осенью текущаго года въ Петербургѣ

6, 7 и 8 ноября 1904 года въ Петербургѣ, обсудивъ вопросъ объ общихъ условіяхъ, необходимыхъ для правильнаго теченія и развитія нашей общественной и государственной жизни, пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Ненормальность существующаго въ нашей жизни порядка государственнаго управленія, съ особой силой проявившаяся съ начала восьмидесятыхъ годовъ, заключается въ полной разобщенности правительства съ обществомъ и въ отсутствіи необходимаго въ государственной жизни взаимнаго между ними довѣрія.

2) Отношенія правительства къ обществу имѣли въ своемъ основаніи опасенія развитія общественной самодѣятельности и постоянное стремленіе къ устраненію общества отъ участія во внутреннемъ государственномъ управленіи. Исходя изъ этихъ основаній, правительство стремилось къ проведенію административной централизаціи во всѣхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія и къ опекѣ надъ всѣми сторонами общественной жизни. Взаимодѣйствіе съ обществомъ признавалось правительствомъ исключительно въ смыслѣ приведенія дѣятельности общественныхъ учрежденій въ соотвѣтствіе съ видами правительства.

3) Бюрократическій строй, разобщая верховную власть съ населеніемъ, создаетъ почву для широкаго проявленія административнаго произвола и личнаго усмотрѣнія. Такой порядокъ лишаетъ общество необходимой всегда увѣренности въ охранѣ законныхъ правъ всѣхъ и каждаго и подрываетъ довѣріе его къ правительству.

4) Правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ народомъ.

5) Для устраненія возможности проявленія административнаго произвола необходимо установленіе и послѣдовательное проведеніе въ жизнь принципа неприкосновенности личности и частнаго жилища. Никто безъ постановленія независимой судебной власти не долженъ быть подвергаемъ взысканію и ограничиваемъ въ своихъ правахъ. Для вышеуказанной цѣли необходимо, кромѣ того, установленіе такого порядка привлеченія къ гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ за нарушеніе закона, который обезпечилъ бы практическое осуществленіе начала законности въ управленіи.

6) Для полнаго развитія духовныхъ силъ народа, для всесторонняго выясненія общественныхъ нуждъ и для безпрепятственнаго выраженія общественнаго мнѣнія, необходимо обезпеченіе свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, свободы слова и печати, а также свободы собраній и союзовъ.

7) Личныя, гражданскія и политическія права всѣхъ гражданъ Россійской Имперіи должны быть равны.

8) Самодѣятельность общества является главнымъ условіемъ правильнаго и успѣшнаго развитія политической и экономической жизни страны. Такъ какъ значительное большинство населенія Россіи принадлежитъ къ крестьянскому сословію, то слѣдуетъ прежде всего поставить это послѣднее въ положеніе, благопріятствующее развитію въ немъ самодѣятельности и энергіи, а это достижимо только путемъ коренного измѣненія нынѣшняго неполноправнаго и приниженнаго состоянія крестьянства. Въ этихъ цѣляхъ необходимо: а) уравнять крестьянъ въ личныхъ правахъ съ лицами другихъ

происходили собранія нѣкоторыхъ гласныхъ разныхъ губернскихъ земствъ, выразившія рядъ пожеланій о необходимости, по мнѣнію участниковъ ихъ, реформъ внутренняго управленія Имперіей. Пожеланія эти сдѣлались предметомъ обсужденія печати, различныхъ созывавшихся для сего или по инымъ поводамъ собраній, а также, вопреки требованіямъ закона, обсуждались въ засѣданіяхъ нѣкоторыхъ городскихъ думъ и земскихъ собраній. Подъ вліяніемъ лицъ, стремящихся внести въ общественную и государственную жизнь смуту и воспользовавшись возникшимъ въ обществѣ волненіемъ умовъ преимущественно въ воспріимчивой средѣ молодежи, — въ нѣкоторыхъ городахъ Имперіи произошелъ рядъ шумныхъ сборищъ, заявлявшихъ о необходимости представить правительству различныя требованія, недопустимыя въ силу освященныхъ Основными Законами Имперіи незыблемыхъ началъ

сословій, б) освободить отъ административной опеки сельское населеніе во всѣхъ проявленіяхъ его личной и общественной жизни и в) оградить его правильной формой суда.

9) Земскія и городскія учрежденія, въ которыхъ по преимуществу сосредоточивается мѣстная общественная жизнь, должны быть поставлены въ такія условія, при которыхъ они могли бы съ успѣхомъ выполнять обязанности, присущія правильно и широко поставленнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія; для этого необходимо: а) чтобы земское представительство было организовано не на сословныхъ началахъ и чтобы къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены, по возможности, всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія; б) чтобы земскія учрежденія были приближены къ населенію путемъ созданія мелкихъ земскихъ единицъ на началахъ, обезпечивающихъ ихъ дѣйствительную самодѣятельность; в) чтобы кругъ вѣдомства земскихъ и городскихъ учрежденій простирался на всю область мѣстныхъ пользъ и нуждъ, и г) чтобы названнымъ учрежденіямъ были предоставлены должная устойчивость, самодѣятельность, при наличности которыхъ только и возможно правильное развитіе ихъ дѣятельности и созданіе необходимаго взаимодѣйствія правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Мѣстное самоуправленіе должно быть распространено на всѣ части Россійской имперіи.

10) Но для созданія и сохраненія всегда живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ, на основѣ вышеуказанныхъ началъ, и для обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи. (Мнѣніе большинства.)

Но для созданія и сохраненія всего живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ, на основѣ вышеуказанныхъ началъ, и для обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участіе въ законодательствѣ народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія (Мнѣніе большинства).

11) Въ виду важности и трудности внутренняго и внѣшняго состоянія, переживаемаго Россіей, частное совѣщаніе выражаетъ надежду, что верховная власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при содѣйствіи ихъ вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія въ духѣ установленія начала права и взаимодѣйствія государственной власти и народа.

нашего государственнаго строя, и цѣлыми скопищами устраивались уличныя демонстраціи, при чемъ оказывалось полиціи и властямъ открытое сопротивленіе. Такое движеніе противъ существующаго порядка управленія, чуждое русскому народу, вѣрному исконнымъ основамъ существующаго государственнаго строя, старается придать означеннымъ волненіямъ несвойственное имъ значеніе общаго стремленія. Охваченныя этимъ движеніемъ, лица, въ забвеніи тяжелой годины, выпавшей нынѣ на долю Россіи, ослѣпленныя обманчивыми призраками тѣхъ благъ, которыя они ожидаютъ отъ коренного измѣненія вѣками освященныхъ устоевъ русской государственной жизни, сами того не сознавая, дѣйствуютъ на пользу не родины, а ея враговъ. Законный долгъ правительства ограждать государственный порядокъ и общественное спокойствіе отъ всякихъ попытокъ прервать правильный ходъ внутренней жизни, — поэтому всякое нарушеніе порядка и спокойствія и всякія сборища противоправительственнаго характера должны быть и будутъ прекращаемы всѣми имѣющимися въ распоряженіи властей законными средствами, а виновные въ сихъ нарушеніяхъ, особенно же лица, состоящія на государственной службѣ, будутъ привлекаемы къ законной отвѣтственности. Земскія и городскія управленія и всякаго рода учрежденія и общества обязаны не выходить изъ предѣловъ предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію и не касаться тѣхъ вопросовъ, на обсужденіе которыхъ они не имѣютъ законнаго полномочія; предсѣдатели же общественныхъ собраній, за допущеніе въ нихъ обсужденія, не относящихся къ ихъ вѣдѣнію вопросовъ общегосударственнаго свойства, подлежатъ отвѣтственности на основаніи дѣйствующихъ законовъ. Органы печати, при трезвомъ отношеніи къ текущимъ событіямъ и при сознаніи лежащей на нихъ отвѣтственности, должны, съ своей стороны, внести необходимое успокоеніе въ общественную жизнь, уклонившуюся въ послѣднее время отъ правильнаго теченія».

Это правительственное сообщеніе, опубликованное одновременно съ указомъ Сенату 12-го декабря, развертывавшимъ передъ русскимъ обществомъ широкую программу прогрессивныхъ реформъ, очень ярко обнаружило неискренность и лицемѣріе либеральныхъ посуловъ правительства и усилило недовѣріе въ мѣропріятіямъ правительства и недовольство его политикой. Въ тѣхъ же самыхъ постановленіяхъ, въ которыхъ земства, города, профессіональные и иные союзы и съѣзды заявляли свою солидарность съ резолюціями Петербургскаго ноябрьскаго съѣзда, мы встрѣчаемся съ заявленіями, которыя открыто высказываютъ свое отрицательное от-

ношеніе къ указу 12-го декабря и къ способу проведенія его въ жизнь. Въ этихъ заявленіяхъ высказывается убѣжденіе, что реформы, намѣченныя указомъ 12-го декабря, найдутъ себѣ осуществленіе, способное удовлетворить общество, подъ тѣмъ лишь условіемъ, что проведеніе ихъ въ жизнь состоится при новомъ государственномъ строѣ.

Требованіе этого новаго строя становилось все рѣшительнѣе и настойчивѣе и общественное настроеніе все болѣе нервнымъ. Это настроеніе питалось и тѣми тяжелыми вѣстями, которыя приходили съ театра войны и находило себѣ поддержку въ тѣхъ явленіяхъ внутренней неурядицы, которыя слѣдовали другъ за другомъ съ ужасающей быстротой: 20-го декабря 1905 г. крѣпость Портъ-Артуръ сдалась на капитуляцію; 9-го января разыгрались кровавыя событія на площади Зимняго Дворца и окраинахъ города съ массой убитыхъ и раненыхъ, а затѣмъ, какъ отголосокъ этихъ страшныхъ событій и какъ бы отвѣтъ на нихъ, волненія и безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, забастовки и безпорядки въ важнѣйшихъ промышленныхъ центрахъ въ Москвѣ, въ Варшавѣ, въ Ригѣ.

И вотъ только тогда правительство рѣшается, наконецъ, выступить съ актомъ, который возвѣщаетъ о намѣреніи власти сдѣлать первый шагъ къ организаціи народнаго представительства и выступить на путь государственно-правовой реформы.

IV.

18 февраля 1905 г. былъ опубликованъ Высочайшій рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина, въ которомъ Государь возвѣщаетъ о намѣреніи привлечь выборныхъ отъ народа къ участію въ законодательной дѣятельности. «Я вознамѣрился, говорится, между прочимъ, въ этомъ рескриптѣ, отнынѣ привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній... Принимая преобразованіе, увѣренный, что знаніе мѣстныхъ потребностей, жизненный опытъ и разумное откровенное слово лучшихъ выборныхъ людей обезпечитъ плодотворность законодательныхъ работъ на истинную пользу народа, Я вмѣстѣ съ тѣмъ предвижу всю сложность и трудность проведенія сего преобразованія въ жизни при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости Основныхъ Законовъ Имперіи».

Одновременно съ изданіемъ этого рескрипта издается и «Высочайшій манифестъ о призывѣ властей и населенія къ содѣйствію

самодержавной власти въ одолѣніи врага внѣшняго, въ искорененіи крамолы и въ противодѣйствіи смутѣ внутренней». Этотъ манифестъ служитъ внушительнымъ комментаріемъ къ рескрипту: онъ показываетъ, что правительство, дѣлая какъ бы уступку общественному мнѣнію, на самомъ дѣлѣ не измѣняетъ, однако, своего отношенія къ стремленіямъ народа, что оно продолжаетъ смотрѣть на политическія заявленія общественныхъ организацій, какъ на проявленіе антигосударственныхъ тенденцій, требующихъ самаго рѣшительнаго отпора и въ сущности ничѣмъ не отличающихся отъ революціонныхъ вожделѣній. «Въ то время, читаемъ мы въ этомъ интересномъ документѣ, какъ доблестнѣйшіе сыны Россіи съ беззавѣтной храбростью, сражаясь самоотверженно, полагаютъ жизнь за Вѣру, Царя и Отечество, въ самомъ отечествѣ нашемъ поднялась смута на радость врагамъ нашимъ и къ великой сердечной нашей скорби. Ослѣпленные гордыней, злоумышленные вожди мятежнаго движенія, дерзновенно посягаютъ на освященные православною церковію и утвержденные законами основные устои Государства Россійскаго, полагая, разорвавъ естественную связь съ прошлымъ, разрушить существующій государственный строй и вмѣсто онаго учредить новое управленіе страною на началахъ, отечеству нашему несвойственныхъ»... «Да станутъ же, заключаетъ манифестъ, крѣпко вокругъ престола Нашего всѣ русскіе люди, вѣрные завѣтамъ родной страны, радѣя честью и совѣстливо о всякомъ государевомъ дѣлѣ въ единомысліи съ Нами. И да подастъ въ Державѣ Россійской: Пастырямъ святыню, Правителямъ — судъ и правду, народу — миръ и тишину, законамъ — силу и вѣрѣ — преуспѣяніе, къ вящему укрѣпленію испытаннаго Самодержавія на благо всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ».

Мы сдѣлали эти выписки изъ манифеста 18-го февраля, ибо придаемъ ему первостепенное значеніе. Этотъ манифестъ очень категорично и очень выпукло выражалъ истинные взгляды правительства на задуманныя имъ измѣненія: онъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что призывъ избранныхъ отъ населенія людей въ предварительной разработкѣ и обсужденію законодательныхъ предположеній отнюдь не знаменовалъ собою коренной политической реформы; онъ показываетъ, что правительство болѣе чѣмъ когда-либо было проникнуто убѣжденіемъ въ необходимости сохранить самодержавный строй и оберечь его отъ всякаго уклона въ сторону ограниченія абсолютной власти. Этотъ манифестъ обнаруживаетъ далѣе, какъ далеки въ это время были намѣренія правительства отъ тѣхъ требованій, которыя такъ единодушно и такъ настоятельно заявляло общество въ своихъ многочисленныхъ резолюціяхъ и адресахъ.

Правительство въ своемъ манифестѣ и общество въ своихъ неоднократныхъ заявленіяхъ, двигались, такимъ образомъ, по совершенно различнымъ путямъ и стремились къ различнымъ цѣлямъ, принципіально другъ другу противоположнымъ. И съ каждымъ днемъ становилось все яснѣе, что разобщенность между правительствомъ и обществомъ все растетъ и что эти двѣ враждующія между собою силы не могутъ примириться иначе какъ цѣною коренного перелома ихъ взаимныхъ отношеній; заявленія общественныхъ организацій о необходимости принципіальной реформы государственнаго строя раздавались все чаще и все настоятельнѣе и потокъ ихъ послѣ манифеста 18 февраля не только не прекращался, а напротивъ становился все стремительнѣе и шире.

V.

Тяжелое настроеніе русскаго общества, вызванное пренебрежительнымъ отношеніемъ правительства къ единодушно и настоятельно заявленнымъ требованіямъ общества получило новую пищу въ тѣхъ зловѣщихъ слухахъ, которые приходили съ театра войны. Это настроеніе достигло крайняго напряженія, когда было получено извѣстіе о постигшей нашъ флотъ катастрофѣ. 14 и 15 мая погибли при Цусимѣ наши эксадры и вмѣстѣ съ ними погибла и надежда на успѣхъ нашей морской силы въ борьбѣ съ врагомъ. За этими вѣстями съ театра войны, глубоко потрясшими всю страну, послѣдовали явленія внутри государства, отъ которыхъ общество въ ужасѣ содрогнулось. Въ Саратовской губерніи въ іюнѣ мѣсяцѣ разразились аграрные безпорядки, въ іюлѣ — мятежи въ Черноморскомъ флотѣ, въ іюлѣ же безпорядки въ Кронштадтскомъ портѣ.

И вотъ въ это тяжелое время общественные элементы, представленные въ земствѣ, снова сплотились, чтобы поднять свой бодрящій и предостерегающій голосъ. Этотъ голосъ нашелъ себѣ выраженіе въ адресѣ Государю, составленномъ на коалиціонномъ съѣздѣ, состоявшемся въ Москвѣ 24—26 мая 1905 г. На немъ же было рѣшено представить этотъ адресъ Государю черезъ особую депутацію. При представленіи ея Государю одинъ изъ ея членовъ, князь Сергѣй Николаевичъ Трубецкой, сказалъ рѣчь, въ которой, обрисовавъ тяжелое положеніе страны, произнесъ слѣдующія многознаменательныя слова: «Единственный выходъ изъ всѣхъ этихъ внутреннихъ бѣдствій, сказалъ онъ, — это путь, указанный Вами, Государь, — созывъ избранниковъ народа. Мы всѣ вѣримъ въ этотъ путь, но сознаемъ, однако, что не всякое представительство можетъ служить тѣмъ благимъ цѣлямъ, которыя Вы ему ставите. Вѣдь оно должно служить водворенію внутренняго мира,

созданію, а не разрушенію, объединенію, а не раздѣленію частей населенія, и, наконецъ, оно должно служить «преобразованію государственному», какъ сказано было Вашимъ Величествомъ. Мы не считаемъ себя уполномоченными говорить здѣсь ни о тѣхъ окончательныхъ формахъ, въ которыя должно вылиться народное представительство, ни о порядкѣ избранія. Государь, мы можемъ сказать только то, что объединяетъ всѣхъ насъ, что объединяетъ большинство русскихъ людей, искренно желающихъ итти по намѣченному Вами пути. Нужно, чтобы всѣ Ваши подданные — равно и безъ различія — чувствовали себя гражданами русскими, чтобы отдѣльныя части населенія и группы общественныя не исключались изъ представительства народнаго, не обращались бы тѣмъ самымъ во враговъ обновленнаго строя; нужно, чтобы не было безправныхъ и обездоленныхъ. Мы хотѣли бы, чтобы всѣ Ваши подданные, хотя бы чужіе намъ по вѣрѣ и крови, видѣли въ Россіи свое Отечество, въ Васъ — своего Государя; чтобы они чувствовали себя сынами Россіи и любили Россію такъ же, какъ мы ее любимъ. Народное представительство должно служить дѣлу объединенія и мира внутренняго. Поэтому также нельзя желать, чтобы представительство было сословнымъ. Какъ русскій царь, не царь дворянъ, не царь крестьянъ или купцовъ, не царь сословій, а царь всея Руси, такъ и выборные люди, отъ всего населенія призываемые, чтобы дѣлать совмѣстно съ Вами Ваше государево дѣло, должны служить не сословнымъ, а общегосударственнымъ интересамъ. Сословное представительство неизбѣжно должно породить сословную рознь тамъ, гдѣ ея не существуетъ вовсе[1]).

---

[1]) Кн. Трубецкой продолжалъ. «Далѣе народное представительство должно служить дѣлу» «преобразованія государственнаго». Бюрократія, существуетъ вездѣ, во всякомъ государствѣ, и, осуждая ее, мы винили не отдѣльныхъ лицъ, а «приказный строй». Она не должна узурпировать Вашихъ державныхъ правъ, она должна стать отвѣтственной. Вотъ дѣло, которому должно послужить собраніе выборныхъ представителей. Оно не должно быть заплатой на старой системѣ бюрократическихъ учрежденій. А для этого оно должно быть поставлено самостоятельно, и между нимъ и Вами не можетъ быть воздвигнута новая стѣна въ лицѣ высшихъ бюрократическихъ учрежденій Имперіи. Вы сами убѣдитесь въ этомъ, государь, когда призовете избранниковъ народа и встанете съ ними лицо къ лицу, какъ мы стоимъ передъ вами.

Наконецъ, предначертанныя Вами преобразованія столь близко касаются русскаго народа и общества, нынѣ призываемаго къ участію въ государственной работѣ, что русскіе люди не только не могутъ, но не должны оставаться къ нимъ равнодушными. Посему необходима самая широкая возможность обсужденія государственнаго преобразованія не только на первомъ собраніи выборныхъ, но нынѣ же въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ. Было бы пагубнымъ противорѣчіемъ призывать общественныя силы къ государственной работѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не допускать свободнаго сужденія. Это подорвало бы довѣріе къ осуществленію реформъ, мѣшало бы успѣшному проведенію ихъ въ жизнь. Государь, на довѣріи должно созидаться обновленіе Россіи».

Эта рѣчь князя Трубецкого, въ которой голосъ русскаго общества выразился такъ сильно и такъ ярко, не нашла себѣ отклика въ правящихъ сферахъ: правительство не пошло навстрѣчу выраженному въ ней желанію поспѣшить созывомъ народныхъ представителей и не сочло нужнымъ выполнить, заявленное въ ней требованіе организовать народное представительство на широкихъ всесословныхъ началахъ.

Подготовка реформы, возвѣщенной въ рескриптѣ Булыгина, продолжала итти бюрократическимъ путемъ: соотвѣтствующій законодательный проектъ разрабатывался въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и затѣмъ былъ переданъ на обсужденіе Совѣта Министровъ подъ предсѣдательствомъ гр. Сольскаго и, наконецъ, былъ разсмотрѣнъ въ особомъ совѣщаніи, происходившемъ въ Петергофѣ 14—16 іюля подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя.

Происходившія въ этихъ учрежденіяхъ пренія очень поучительны, и мы приводимъ здѣсь наиболѣе характерныя изъ нихъ выдержки. Укажемъ прежде всего на объясненія, данныя предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, указавшія на мотивы введенія представительства.

«Рѣшеніе самодержавной власти,—сказалъ онъ,—издать законъ объ организаціи народнаго представительства назрѣло подъ вліяніемъ того соображенія, что для этой власти полезно выслушивать мнѣнія людей, знакомыхъ съ нуждами и потребностями народа». «Для осуществленія этого рѣшенія,—говорилъ онъ,—было предположено сдѣлать то, что сто лѣтъ тому назадъ проектировалъ Сперанскій: онъ, какъ извѣстно, призналъ необходимымъ обсужденіе законовъ поручить двумъ инстанціямъ, изъ которыхъ первая, подготовительная, была бы Государственная Дума. Какъ тогда, такъ и теперь проектъ ни однимъ словомъ не затрогиваетъ самодержавной власти Государя. Эта власть остается по существу та же, измѣняется лишь порядокъ ея осуществленія. Государь остается верховнымъ законодателемъ, видоизмѣняется лишь процессъ предварительнаго обсужденія законовъ; если при старомъ порядкѣ законодательныя дѣла восходили на воззрѣніе Его Императорскаго Величества черезъ Государственный Совѣтъ, т.-е. черезъ собраніе лицъ, назначенныхъ Государемъ во вниманіе къ ихъ служебной дѣятельности, то по предположенію проектируемаго закона эти законодательныя дѣла должны будутъ проходить еще черезъ лишнюю инстанцію, чрезъ Государственную Думу».

Народное представительство, какъ его проектировалъ Совѣтъ Министровъ, учрежденіе исключительно совѣщательное, какимъ уже является существующій Государственный Совѣтъ. Съ установленіемъ Думы усложнится лишь механизмъ нашихъ законо-

дательныхъ учрежденій, а никакъ не измѣнится одухотворяющее ихъ начало, которымъ попрежнему остается исключительно неограниченная личная воля Государя Императора.

Но и народное представительство, проектированное съ такимъ ограниченнымъ кругомъ вѣдомства и съ такимъ скромнымъ авторитетомъ, вызвало сомнѣнія у нѣкоторыхъ членовъ Совѣщанія. Они находили, что самодержавію грозитъ опасность введеніемъ въ новое учрежденіе людей, избранныхъ обществомъ изъ своей среды. Они держались того мнѣнія, что начало выбора само по себѣ есть начало вредоносное, безусловно не вяжущееся съ принципомъ самодержавія, и въ подтвержденіе своего мнѣнія они указывали на примѣръ земскихъ учрежденій, ясно-де обнаружившихъ, что допущеніе къ участію въ управленіи лицъ по выбору естественно и необходимо поведетъ къ ослабленію власти абсолютной и къ проникновенію въ государство нежелательныхъ общественныхъ элементовъ, носителей опасныхъ тенденцій либерализма и народовластія. Если правительству и его агентамъ, говорили они, не удалось во многихъ губерніяхъ удержать органы общественнаго управленія въ предѣлахъ отведенной имъ по закону дѣятельности, то тѣмъ труднѣе будетъ, при современномъ теченіи общественной мысли, справиться съ этой задачей въ Думѣ, которая будетъ мнить себя представительницей народа.

Нѣкоторыхъ членовъ особаго Совѣщанія смущала и предложенная Совѣтомъ министровъ система выборовъ въ Думу. При обсужденіи этой системы столкнулись два мнѣнія; одни члены Совѣщанія отстаивали смѣшанную систему, предложенную Совѣтомъ Министровъ, другіе стояли за систему, построенную на началѣ сословности. Ораторы, говорившіе въ пользу этой послѣдней, находили, что она всего дѣйствительнѣе обережетъ новое учрежденіе отъ проникновенія въ него общественныхъ элементовъ, зараженныхъ свободомысліемъ и никоимъ образомъ не могущихъ стать устоями существующаго порядка: «при смѣшанной системѣ,—говорили они,—въ Думу проникнутъ люди земскаго типа, которымъ не дороги исконныя русскія начала и которые предпочтутъ имъ западноевропейскіе образцы».

Защитники смѣшанной системы немногимъ, однако, въ своихъ взглядахъ отличались отъ сторонниковъ сословнаго начала. Они возражали противъ него не во имя тѣхъ началъ, которыя провозглашали общественныя организаціи, а изъ опасенія, какъ бы сословное представительство не слишкомъ раздражило общественное мнѣніе и вмѣсто успокоенія не имѣло бы своимъ послѣдствіемъ новый взрывъ народнаго неудовольствія. Высказанныя въ собраніи

соображенія противъ предположенной Совѣтомъ министровъ системы выборовъ, говорили они, были бы вѣрны въ томъ случаѣ, если бы она построена была на началѣ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ. Но этого нѣтъ въ дѣйствительности. Возвращеніе же къ сословности въ настоящее время произвело бы весьма неблагопріятное впечатлѣніе; между тѣмъ, при существующемъ положеніи вещей нельзя не считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, такъ какъ вся предложенная реформа направлена на успокоеніе общества и на устраненіе поводовъ къ поддержанію смуты.

VI.

Мы остановились подробнѣе на разсужденіяхъ, происходившихъ на совѣщаніяхъ, подготовившихъ изданіе манифеста и закона 6-го августа въ виду того, что они очень ярко иллюстрируютъ воззрѣнія вдохновителей и авторовъ этихъ законодательныхъ актовъ. Они служатъ характернымъ показателемъ той глубокой пропасти, которая раздѣляла носителей и защитниковъ самодержавно-бюрократическаго строя отъ представителей организованнаго въ земствѣ общества. Неудивительно потому, что выработанный первыми законъ 6-го августа встрѣтилъ со стороны вторыхъ самый рѣшительный и единодушный отпоръ.

Отрицательное отношеніе общества къ учрежденію Государственной Думы, выработанному въ Совѣтѣ Министровъ и въ особомъ Совѣщаніи, нашло себѣ выраженіе въ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей, состоявшемся въ Москвѣ, 12—15 сентября. На своемъ заключительномъ засѣданіи этотъ съѣздъ вынесъ резолюцію, которая въ слѣдующихъ словахъ отзывалась объ учрежденіи Думы 6-го августа: «По существу дѣла законъ 6-го августа не далъ ничего, что могло бы дѣйствительно устранить недостатки нашего теперешняго строя и вывести Россію изъ тяжелаго положенія, въ какомъ она находится. Онъ не сдѣлалъ ничего, что могло бы успокоить страну и направить ея силы къ полезной созидательной работѣ. Вмѣсто того, чтобы дать всему населенію выбрать своихъ представителей въ Государственную Думу, онъ призвалъ къ выборамъ, съ одной стороны, лицъ съ извѣстнымъ имущественнымъ достаткомъ и опредѣлилъ размѣры его очень высоко; съ другой стороны, по отношенію къ выборамъ отъ крестьянъ законъ установилъ сложный порядокъ и собственно далъ право не крестьянамъ, а волостному сходу». Сентябрьскій съѣздъ не ограничивается критикой закона 6-го августа, но и вырабатываетъ программу избирателямъ при предстоящихъ выборахъ въ Думу, представляющую большой интересъ въ томъ отношеніи, что предопредѣляетъ основ-

ныя положенія манифеста 17-го октября. Насколько постановленія учрежденія Думы 6-го августа противорѣчили конституціоннымъ принципамъ манифеста 17-го октября, настолько резолюціи послѣдняго земскаго съѣзда соотвѣтствовали этимъ принципамъ: онѣ представляли собою формулы, точно и опредѣлительно воспроизводящія коренныя начала октябрьскаго конституціоннаго акта. 14-го сентября былъ выработанъ текстъ обращенія къ населенію отъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, въ которомъ говорилось: «Не отказываясь отъ преслѣдованія всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя намѣчены въ программныхъ постановленіяхъ съѣздовъ, — на предстоящихъ выборахъ съѣздъ призываетъ всѣхъ избирателей объединиться около слѣдующей краткой и опредѣленной избирательной программы:

1) Обезпеченіе правъ личности, свобода слова и печати, свобода сходовъ, собраній, союзовъ.

2) Установленіе выборовъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права.

3) Рѣшающій голосъ Думы въ законодательствѣ и право дѣйствительнаго контроля надъ бюджетомъ и администраціей».

Первый пунктъ приведенной программы предвосхищаетъ первый параграфъ предписанія манифеста 17-го октября, который гласитъ: Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

Дальнѣйшій пунктъ программы включаетъ въ себѣ принципъ, нашедшій себѣ выраженіе въ постановленіи манифеста, предусматривавшаго развитіе начала общаго избирательнаго права.

Послѣдній пунктъ избирательной программы сентябрьскаго съѣзда выставилъ начало, которое формулировалъ манифестъ 17-го октября въ своемъ третьемъ пунктѣ, постановлявшемъ «незыблемое правило, что никакой законъ не можетъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за законномѣрностью дѣйствій постановленныхъ отъ Насъ властей».

Мы видимъ, такимъ образомъ, что за два мѣсяца до введенія въ нашу государственную жизнь конституціонныхъ началъ, эти начала уже созрѣли въ общественномъ сознаніи и нашли себѣ вполнѣ исчерпывающую формулировку въ резолюціи сентябрьскаго съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей. Если правительство продолжало

защищать принципъ самодержавнаго строя и носители и защитники стараго режима съ прежнимъ упорствомъ и съ неослабной настойчивостью отстаивали ихъ на совѣщаніяхъ, обсуждавшихъ законъ 6 августа, то общество, организованное въ земство, въ это самое время выступило съ заявленіями, которымъ недоставало только офиціальнаго признанія, чтобы стать легальными основами новаго строя.

Но это признаніе послѣдовало лишь послѣ того, какъ Россія пережила грозную бурю революціоннаго движенія.

Въ то время, какъ въ Москвѣ обсуждались приведенныя выше резолюціи, въ нашу общественную жизнь врывается съ невѣроятной быстротой и силой потокъ народнаго движенія. Правительство, которое не хотѣло дѣлать никакихъ уступокъ конституціоннымъ требованіямъ, пока они заявлялись мирными голосами земствъ и городовъ, теперь останавливается передъ разбушевавшимся потокомъ: оно сворачиваетъ съ пути охраненія абсолютной власти и рѣшительно вступаетъ на тотъ путь, на который такъ настойчиво, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ безплодно звало его общество. Правительство, въ актѣ, сопровождавшемъ манифестъ 17-го октября (Высочайше утвержденный докладъ гр. Витте), сознается, что оно ошибалось, видя въ общественныхъ заявленіяхъ недопустимыя для Россіи требованія, и признаетъ ихъ теперь вполнѣ справедливыми, соотвѣтствующими нуждамъ народа. Эти требованія вызываются, по его словамъ, нарушеніемъ равновѣсія между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. «Россія,—по словамъ доклада,—переросла форму существующаго строя». «Она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы».

Оглядываясь на сдѣланный нами обзоръ офиціальныхъ актовъ государственно-правового характера, изданныхъ въ первые годы текущаго столѣтія, мы видимъ, что они не стоятъ ни въ какой логической связи съ манифестомъ 17-го октября и не являются проявленіями политики правительства, направленной на политическое возрожденіе страны. Если манифестъ 17-го октября установилъ конституціонныя начала политическаго строя, то предшествовавшіе ему акты были прямо направлены противъ этихъ началъ и являются прямымъ ихъ отрицаніемъ. Одни изъ нихъ имѣли цѣлью побороть конституціонныя стремленія угрозою полицейскихъ репрессивныхъ мѣръ, другіе хотѣли отвлечь общество отъ этихъ стремленій посуломъ либеральныхъ реформъ. Но эти двѣ категоріи правительственныхъ актовъ, какъ реакціонныя мѣропріятія, такъ и либеральныя обѣщанія, были внушены по существу одной и той же

тенденціей — оберечь самодержавный строй отъ проникновенія въ нашу государственную жизнь прогрессивныхъ началъ политическаго быта. Онѣ поэтому никоимъ образомъ не расчищали пути къ манифесту 17-го октября, а напротивъ, загораживали ему дорогу. «Непреклонная воля» носителя власти даровать населенію политическій строй на началахъ гражданской и политической свободы была направлена въ этихъ актахъ на цѣли, прямо противоположныя конституціонному режиму: непреклонная воля держателя власти даровать населенію свободный строй выступила на историческую сцену лишь послѣ того какъ на этой сценѣ разыгрались грозныя событія народнаго движенія.

Манифестъ 17-го октября, разсмотрѣнный въ свѣтѣ тѣхъ событій и явленій, которыя пережила наша страна въ эпоху съ 1901—1905 гг., и изученный въ связи съ законодательными актами и правительственными заявленіями этой эпохи, съ одной стороны, и съ резолюціями и постановленіями земскихъ, городскихъ и другихъ общественныхъ организацій, съ другой, — не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ ни въ какомъ смыслѣ и ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть разсмотрѣнъ, какъ предтеча октроированной конституціи, что онъ отнюдь не образуетъ собою созрѣвшій плодъ правительственной мысли и ни въ какомъ случаѣ не является свободнымъ и добровольнымъ *актомъ верховной власти, а что онъ представляетъ собой отвоеванный народомъ государственный актъ, добытый обществомъ послѣ долгой борьбы съ правительствомъ и при томъ борьбы, купленной цѣною крупныхъ и не всегда безкровныхъ жертвъ.*

Манифестъ 17-го октября, изданный въ установленномъ для закона порядкѣ, есть несомнѣнно законъ въ формальномъ смыслѣ, но по существу онъ — не предписаніе власти, а выраженіе волп общества. И въ этой-то солидарности манифеста съ голосомъ страны и заключается его сила: она-то и придала провозглашеннымъ имъ началамъ ту незыблемость, которой не можетъ похвалиться цѣлый рядъ другихъ законовъ и между ними законъ 6-го августа. Если этотъ послѣдній, несмотря на то, что былъ вооруженъ всѣми аттрибутами формальнаго закона и у его колыбели стояли всѣ столпы самодержавно-бюрократическаго строя, тѣмъ не менѣе остался безъ осуществленія, то объясняется это именно тѣмъ, что онъ былъ лишенъ той высшей санкціи, которую сообщила манифесту 17-го октября его согласованность съ народными требованіями и его признаніе обществомъ и властью.

Манифестъ 17-го октября заканчиваетъ собою тотъ періодъ борьбы общества съ правительствомъ, который привелъ къ крушенію самодержавнаго строя. Въ наши дни русское общество вступаетъ въ новую фазу борьбы со старымъ режимомъ: общество не только закрѣпляетъ позицію, занятую имъ манифестомъ 17-го октября, но и дѣлаетъ новый шагъ въ своемъ наступательномъ движеніи. Необходимость этого шага диктуется тѣми обстоятельствами, которыя наступили для Россіи въ переживаемый ею грозный часъ: они съ ужасающей яркостью раскрыли передъ населеніемъ безсиліе и безпомощность правительства, разъединеннаго съ обществомъ и не умѣющаго черпать въ союзѣ съ народомъ необходимыя ему силы для преодолѣнія грозящей странѣ опасности. Общество требуетъ въ наши дни черезъ Думу и черезъ земскіе и городскіе съѣзды, чтобы не только голосъ народа властно проявлялся въ области законодательства, но чтобы онъ былъ услышанъ и признанъ и въ дѣлѣ управленія и чтобы это управленіе было поручено министерству, солидарному со страной. И та сила, съ которой заявляются эти требованія, показываетъ, что десять лѣтъ, прожитыхъ народомъ въ условіяхъ представительнаго строя, какъ бы эти условія неудовлетворительны ни были, все же не прошли для нея даромъ, а пустили въ странѣ глубокіе корни и много содѣйствовали росту ея политическаго сознанія.

Будемъ же надѣяться, что, переживъ тяжелыя испытанія современной войны, Россія воспрянетъ къ новому государственному бытію: что она отвернется отъ слишкомъ долго державшихъ ее въ плѣну нѣмецкихъ теорій и доктринъ съ ихъ культомъ физической силы и политическаго застоя и что она пойдетъ навстрѣчу государственно-правовымъ принципамъ и идеаламъ, которымъ наши собратья по оружію обязаны своимъ преуспѣяніемъ и своей нравственной мощью.

А. С. Алексѣевъ.